

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.И. Бартнев*

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА: СПОР О ДЕФИНИЦИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

На фоне увеличения числа интернационализированных внутренних конфликтов в последнее время в научной литературе наблюдается устойчивый рост интереса к тематике внешнего вмешательства в дела суверенных государств. Цель библиографического обзора — обобщить подходы тех ученых, главным образом зарубежных, которые фокусировались на исследовании концептуально-теоретических аспектов данной проблематики. В структурном плане обзор разделен на три части. В первой раскрыты смысловые нюансы ключевых русскоязычных и англоязычных терминов и особенности их употребления в международно-правовых документах. Вторая и третья части посвящены двум «большим спорам» в литературе о вмешательстве. Один из них касается вопроса о целесообразности и возможности разработки дефиниции вмешательства как таковой, другой — определения содержательных границ понятия «вмешательство». Первый спор представлен в виде столкновения позиций ученых, воспринимавших вмешательство как данность, убежденных сторонников разработки научно обоснованного определения вмешательства и, наконец, исследователей, наотрез отказывавшихся заниматься поисками такой дефиниции. Аргументы критиков получения «чистого» знания о феномене вмешательства, которые в большинстве своем являются приверженцами конструктивизма или постструктурализма и призывают отталкиваться от изучения дискурса, в том числе субъектов, осуществляющих интервенционистские действия, оспорены в

* *Бартнев Владимир Игоревич* — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

** Статья подготовлена по результатам исследований, проводившихся на базе Центра проблем безопасности и развития ФМП МГУ при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований в 2015–2017 гг. в рамках научного проекта № 15-01-00363.

заклучении. Обоснована необходимость формулирования рабочего определения вмешательства, которое позволило бы в условиях обострения межгосударственного противоборства, возрождения идеологического соперничества и усиления различий в представлениях о границах государственного суверенитета и допустимости их нарушения вырваться из ловушки конфликта восприятий. Приведены аргументы в пользу максимально широкой трактовки вмешательства, которая, с одной стороны, в отличие от узкой, легалистской интерпретации, давала бы возможность включить как силовые, так и несиловые инструменты (оказание помощи, применение санкций, информационное воздействие), а с другой — была бы применима к различным историческим эпохам. Подчеркнуто, что принятие на вооружение какого-то отдельного определения или разработка собственной дефиниции — лишь первый шаг на пути к классификации видов вмешательства, в построении которой в то же время имеет смысл отталкиваться от изучения конкретно-эмпирического материала, а не от априорно заданных параметров.

Ключевые слова: вмешательство во внутренние дела, интервенция, невмешательство, суверенитет, интернационализированный внутренний конфликт, бихевиоризм, английская школа международных отношений, конструктивизм, постструктурализм, дискурс, внешняя помощь, санкции.

В последнее время в международных отношениях отчетливо прослеживается тенденция к увеличению числа интернационализированных внутренних конфликтов — противостояний, осложненных внешним вмешательством, каждое из которых вновь и вновь выводит на первый план вопрос о границах государственного суверенитета. Этот тренд одновременно свидетельствует и о снижении стрессоустойчивости политических систем, особенно в государствах глобального Юга, все более уязвимых к различного рода внутренним и внешним вызовам, и об изменениях в структуре международной системы. Независимо от того, видят ли акторы в условиях нарастания неопределенности преимущественно угрозы своим жизненно важным интересам или же, напротив, «окна возможностей», они в целом становятся более склонны применять многообразные инструменты вмешательства — как военные, так и невоенные — с целью оказывать воздействие на ход внутривнутриполитических процессов в зарубежных государствах.

Указанная тенденция находит отражение и в научной литературе, в первую очередь зарубежной, где наблюдается устойчивый рост интереса к проблематике вмешательства во внутренние дела. Значительная часть исследований посвящена морально-правовым аспектам вмешательства, прежде всего проблеме легитимности применения силы в отношении суверенных государств. Этими вопросами главным образом озадачены правоведы, для которых уже на протяжении нескольких столетий — со времен Х. фон Вольфа и Э. де Ваттеля — концепт (не)вмешательства выступает одним из системообразующих¹ и которые даже посвящают этой теме специализированные издания (например, «Journal on the Use of Force and International Law», издаваемый с лета 2014 г.). Весьма активно указанную проблематику разрабатывают и политологи, приверженцы различных теоретических парадигм, в последние десятилетия особенно полюбившие тему вмешательства по гуманитарным мотивам. Эта проблематика находит отражение и в научно-квалификационных работах, и в монографических исследованиях, и в экспертно-аналитических докладах [Бордачев, 1998; Худайкулова, 2003; Никитин, 2017; Finnemore, 2003; Rethinking humanitarian intervention in the 21st century, 2018; и др.].

Большая часть трудов о вмешательстве посвящена исследованию конкретно-эмпирического материала (с фокусом на действиях глобальных держав, в первую очередь США). При этом в литературе нередко можно встретить утверждение, что понятие «вмешательство» часто употребляется без его критического осмысления — как «нечто само собой разумеющееся» [Reus-Smit, 2013: 1058]. Отдельные авторы, пусть и с плохо скрываемой иронией, даже записывают вмешательство в «содержательно неоспариваемые понятия» (*essentially uncontested concept*) [Weber, 1992: 199].

Такая оценка носит в большей степени провокационный характер. Безусловно, примеры некритического отношения к понятию «вмешательство» имели место: достаточно вспомнить основоположника политического реализма Г. Моргентау, который, ставя вмешательство в один ряд с войной и диплома-

¹ Об эволюции представлений см.: [Камаровский, 2016; Jones, 1979; Talentino, 2005; The Oxford handbook of the use of force in international law, 2017; Law on the use of force and armed conflict, 2017; Nowak, 2018; The use of force in international law, 2018; Дидманидзе, 2017].

тией в качестве важнейших инструментов внешней политики [Morgenthau, 1967: 425], не считал нужным озадачиваться поисками оптимальной дефиниции. Однако абсолютному большинству авторов вмешательство представлялось как раз крайне размытым, амбивалентным понятием, требующим пояснения [Young, 1968; Beloff, 1968; Dunér, 1985: 61; *Intervention in world politics*, 1984: 9–10; Evans, Newnham, 1992: 159]. Более того, для целого ряда ученых оценка перспектив разработки научно обоснованного определения вмешательства стала одним из магистральных направлений интеллектуального поиска, а кому-то и снискала международную славу.

В данном библиографическом обзоре наше внимание будет сосредоточено на обобщении подходов именно тех ученых, которые фокусировались на концептуализации проблемы вмешательства. В отсутствие значимого числа крупных работ теоретического характера по данной тематике в отечественной литературе² объектами рассмотрения станут труды зарубежных ученых. При этом стоит сразу отметить, что мы сознательно не устанавливали хронологических или территориальных рамок отбираемых исследований. Без сомнения, представления о вмешательстве во внутренние дела, отраженные в трудах эпохи «холодной войны», по определению не могли совпадать с подходами исследователей, осмыслявших, а в ряде случаев и активно подталкивавших процесс пролиферации гуманитарных интервенций после ее окончания. Но именно эти различия и представляют отдельный научный интерес, и благодаря акценту на их выявлении предлагаемый библиографический обзор может быть полезен отечественным ученым, интересующимся вмешательством, независимо от того, на каком именно историческом периоде, стране или регионе они специализируются.

В структурном плане статья делится на три раздела. В первом раскрыты некоторые семантические тонкости ключевых терминов в русском и английском языках и особенности их употребления в международно-правовых документах. Второй и третий разделы посвящены своего рода «большим спорам» в литературе о

² К работам теоретического плана можно отнести разве что отдельные публикации Д.С. Голубева, доцента кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, руководителя реализуемого в настоящий момент весьма перспективного научно-исследовательского проекта по проблемам интернационализации внутренних конфликтов [Голубев, 2018].

вмешательстве, один из которых касается вопроса о возможности разработки дефиниции вмешательства как таковой, а другой — определения содержательных границ данного понятия.

* * *

Готовя обзор зарубежной библиографии, посвященной вмешательству, исследователь неминуемо сталкивается с объективными «трудностями перевода» и различиями в терминологии, зачастую понимаемыми в большей степени интуитивно. Ситуация дополнительно осложняется тем, что термин «вмешательство», во-первых, в отличие от другого стержневого понятия — «агрессия»³, так и не получил международно признанного определения, а во-вторых, не является политически нейтральным и имеет ярко выраженные негативные коннотации. По справедливому замечанию американского политолога Д.А. Грабер, «вмешательство» уже ко второму десятилетию «холодной войны» стало «ругательным словом, используемым для обозначения любых форм негативного внешнего воздействия, и приобрело моральную окраску» [Graber, 1959: 15].

Исходя из этого, смысловые нюансы следует рассмотреть как можно более детально, прежде чем определять содержательные особенности толкований, предложенных отдельными исследователями изучаемого явления.

В русском языке в интересующем нас контексте употребляются два слова: отглагольное существительное «вмешательство», имеющее славянское происхождение, и заимствованное понятие «интервенция», происходящее от латинского глагола *intervenire*, одно из значений которого — «вмешиваться, мешать, препятствовать»⁴. В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, опубликованном впервые в 1930-е годы, термин «вмешательство» имеет два ключевых значения: 1) «непрощенное или насильственное участие в чужих делах, отношениях; действия, противоречащие самостоятельности или независимости другого»; 2) «действия извне, пресекающие нежелательные последствия, приостанавливающие ход чего-либо» (вмешательство проку-

³ Определение агрессии; утв. резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. A/RES/3314 (XXIX) // ООН. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 02.10.2018).

⁴ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд., испр. М.: Русский язык, 1986. С. 548–549.

ратуры, хирургическое вмешательство и т.п.). Термин «интервенция» в свою очередь согласно тому же словарю обозначает «вмешательство, преимущественно вооруженное, иностранцев во внутренние дела какой-либо страны»⁵. Между тем в современном русскоязычном дискурсе, характеризующемся заметным расширением объемов использования заимствованных слов, помимо сочетания «военная/вооруженная интервенция» довольно часто используются такие конструкции, как «вербальная интервенция», «валютная интервенция», «товарная интервенция», связанные с практикой регулирования органами государственной власти валютных курсов или рынков. В последних примерах смысл слова «интервенция» максимально сближается со вторым из указанных ранее значений понятия «вмешательство», ибо обозначает как раз «действие, направленное на пресечение нежелательных последствий».

В английском языке также присутствует определенная терминологическая путаница — со словами *intervention* и *interference* соответственно. Например, в словаре Уэбстера мы обнаруживаем несколько вариантов толкования понятия *intervention*, два из которых имеют непосредственное отношение к тематике статьи. Интервенция может обозначать либо «действие по предотвращению нежелательных последствий или улучшению того или иного процесса или результата», либо «вмешательство одной страны в дела другой в целях принуждения ее к осуществлению или отказу от осуществления тех или иных действий»⁶. При этом смысловые нюансы обоих вариантов раскрываются с помощью слова *interference*. Это существительное образовано от глагола *interfere*, который в свою очередь был заимствован из старофранцузского (*s'entreferir*) и первоначально использовался в значении «сталкиваться», но уже с первой половины XVII в. стал обозначать также и «вмешиваться», «препятствовать». В том же словаре Уэбстера приведено довольно много современных значений этого слова,

⁵ Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1: А–Кюрины / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935 // ФЭБ «Русская литература и фольклор». Доступ: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 08.10.2018).

⁶ The Merriam-Webster dictionary. Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster, Inc., 2016. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intervention> (accessed: 08.10.2018).

в числе которых и лишенное негативных коннотаций «участие в решении чужих проблем»⁷.

Погружение в тексты международно-правовых документов не только не устраняет отмеченную неопределенность в употреблении этих двух англоязычных терминов, но, напротив, лишь усиливает ощущение нахождения в некоей «серой зоне». Так, в Уставе ООН был использован термин *intervention* (ст. 2: «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций *права на вмешательство* [курсив наш. — В.Б.] в дела, по существу, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства [англ. текст : right to intervene in matters which are essentially within the domestic jurisdiction of any state. — В.Б.], и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII»⁸). Этот же термин применен и в названии Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (англ. вариант: ‘Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of Their Independence and Sovereignty’), принятой Генеральной Ассамблеей ООН единогласно в декабре 1965 г. на фоне начала активной фазы войны во Вьетнаме (109 голосов «за» при 1 воздержавшемся)⁹, а также в резолюции № 2225 от 19 декабря 1966 г., обозначившей разделение вмешательства на косвенное (терроризм и подрывная деятельность) и прямое (вооруженная интервенция)¹⁰.

В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между

⁷ Ibidem.

⁸ Устав ООН.

⁹ Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета; принята резолюцией 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г. A/RES/2131 (XXI) // ООН. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 01.02.2018).

¹⁰ Резолюция 2225 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1966 г. «О ходе выполнения Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета». A/RES/2225 (XXI) // ООН. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/2225%28XXI%29> (дата обращения: 01.02.2018).

государствами в соответствии с Уставом ООН (1970)¹¹ термины *intervene/interfere (intervention/interference)* употреблялись уже попеременно. В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки (1975)¹² вновь использовался термин *(non)intervention (in internal affairs)*¹³, но уже через год в англоязычной версии текста резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Невмешательство во внутренние дела государств» (1976) фигурировало только понятие *non-interference*¹⁴.

Наконец, спустя 5 лет, 9 декабря 1981 г., резолюцией № 36/103 Генеральной Ассамблеи ООН была утверждена Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (англ. вариант: ‘Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States’), в которой обозначен комплекс из 5 прав и 15 обязанностей, вытекающих из указанного в ее названии принципа¹⁵, и впервые четко разграничены понятия «интервенция» (*intervention*) и «вмешательство» (*interference*). Интервенция обозначала лишь крайнюю форму, вооруженное вторжение на территорию другого государства, а вмешательство — все остальные варианты внешнего воздействия.

¹¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций; принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. A/RES/2625 (XXV) // ООН. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 01.02.2018).

¹² Conference on Security and Co-Operation in Europe. Final Act. August 1, 1975 // OSCE. Available at: <https://www.osce.org/helsinki-final-act?download=true> (accessed: 01.02.2018).

¹³ В русскоязычной версии документа при этом употреблялся только термин «вмешательства», а словосочетание ‘armed intervention’ переводилось как «вооруженное вмешательство», а не как «вооруженная интервенция». См.: Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. 1 августа 1975 г. // ОБСЕ. Доступ: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505?download=true> (дата обращения: 01.02.2018).

¹⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 31/91 от 14 декабря 1976 г. «Невмешательство во внутренние дела государств». A/RES/31/91 // ООН. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/31/91> (дата обращения: 01.02.2018).

¹⁵ Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств; утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 36/103 от 9 декабря 1981 г. A/RES/103 (XXXVI) // ООН. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/19/IMG/NR041219.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.02.2018).

Эта логика имела шанс получить формальное закрепление при осмыслении феномена гуманитарных интервенций (*humanitarian interventions*). Однако в названии ситуативного консультативного органа International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS; утвердившийся в русском языке перевод — Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета), сформированного в 2001 г. под председательством правительства Канады, и в тексте подготовленного этой структурой итогового доклада «Ответственность по защите»¹⁶ слово *intervention* вновь употреблялось в отношении как силовых, так и не силовых действий¹⁷.

С учетом сказанного, формируя комплекс англоязычной литературы для подготовки обзора, мы стремились включить в него работы, в которых использованы оба понятия — как (*non*) *intervention*, так и (*non*) *interference*. Результаты обработки поисковых запросов в различных реферативных базах позволили сделать вполне однозначный вывод о том, что политологи в целом применяют второй из них значительно реже.

Важно и другое. Конкуренция терминов *intervention* и *interference* в англоязычном политическом дискурсе разворачивалась параллельно с возникновением и развитием двух «больших споров» о вмешательстве. Один из них касался более общих, эпистемологических вопросов, а другой — непосредственно содержательного наполнения понятия *intervention*.

* * *

Принципиальные эпистемологические различия в подходах к концептуализации вмешательства одним из первых в 1987 г. зафиксировал Р. Литтл, британский политолог-международник, преподававший тогда в Университете Ланкастера, в своем обзоре литературы об интервенциях, ставшем хрестоматийным. В нем он противопоставил друг другу «традиционалистский» и «бихевиористский» подходы, признав, впрочем, условность данных определений [Little, 1987: 50].

«Традиционалисты», подчеркивал Р. Литтл, были склонны опираться на нормативный подход и формировать понимание

¹⁶The Responsibility to Protect // International Commission on Intervention and State Sovereignty. December 2001. Available at: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (accessed: 01.02.2018).

¹⁷Ibid. P. 9.

интервенции на основе анализа исторических кейсов: «Идея подкрепленного статистикой, внеисторического концепта интервенции чужда традиционалистскому подходу. Напротив, традиционалисты имеют дело с противоречащими друг другу концепциями вмешательства и исходят из того, что значение этого понятия может меняться с течением времени» [Little, 1987: 53]. Основываясь на этих базовых принципах, ученые исследовали вмешательство на протяжении столетий.

Однако в 1960-е годы в его изучении наметился «бихевиористский поворот», нашедший воплощение, в частности, в работах американских ученых О. Янга [Young, 1968] и Дж. Розенау [Rosenau, 1968, 1969], которые попытались установить более четкие, научные границы данного понятия.

О. Янг одним из первых выразил обеспокоенность тем, что под термином «вмешательство» объединяются слишком разнородные явления [Young, 1968], и решил сформулировать общее определение. По его мнению, вмешательством следует называть «организованные и системные действия трансграничного характера, нацеленные на оказание влияния на политические институты объекта вмешательства» [Young, 1968: 178].

Дж. Розенау со своей стороны также указывал на разногласия в подходах ученых к осмыслению этого феномена. Он писал, что одни исследователи воспринимают интервенцию как специфический тип поведения, другие концептуализируют ее через определенные мотивы, которыми руководствуются субъекты, осуществляющие вмешательство, третьи осмысливают интервенционистские акции через их последствия, а четвертые сопоставляют подобные действия с условными международно-правовыми стандартами [Rosenau, 1969: 153]. Именно эта разногласия и заставила ученого предпринять первую попытку разработать научно обоснованное определение вмешательства. По мнению Дж. Розенау, действия международного актора носят интервенционистский характер лишь в том случае, если, они, во-первых, обозначают разрыв с существующим *modus operandi* во взаимоотношениях государств (*convention-breaking character*), а во-вторых, осуществляются с целью изменить или сохранить структуру политической власти в стране, являющейся объектом вмешательства [Rosenau, 1969: 161], при этом обязательно должны выполняться оба условия.

Дж. Розенау отмечал четыре основных преимущества предложенного им определения:

1) сужение объекта рассмотрения до адекватных пределов и возможность не записывать любые внешнеполитические действия (или бездействие) в число интервенционистских акций;

2) разграничение исследований интервенций и внешней политики в целом (Дж. Розенау, в частности, подчеркивал, что запуск «плана Маршалла», заключение военных союзов и размещение советских ракет на Кубе в 1962 г. не должны рассматриваться в качестве примеров вмешательства, поскольку не отвечают второму из предложенных им критериев, хотя такая точка зрения легко может быть оспорена в каждом из приведенных им случаев);

3) научно обоснованное дифференцирование интервенций и таких явлений, как колониализм и империализм, которые описывают *постоянное* присутствие субъекта вмешательства в политической и экономической жизни другого государства, в то время как интервенции ограничены во времени и завершаются тогда, когда присутствие внешнего актора(ов) становится обыденным и не воспринимается как нечто чрезвычайное;

4) отсутствие увязки определения с мотивацией субъектов вмешательства или их восприятием объектами вмешательства в качестве насильственных действий, т.е. актов принуждения.

«Бихевиористский поворот» получил развитие в работах целого ряда исследователей, в числе которых Дж. ван Винген и Х.К. Тиллема [Tillema, 1973; Tillema, van Wingen, 1982; Tillema, 1989], Ф.С. Пирсон [Pearson, 1974] и Б. Данер [Dunér, 1985]. Чертами, объединявшими их с Дж. Розенау, Р. Литтл считал стремление исходить из некоего априорного понимания того, что такое интервенция и какие конкретные ее проявления необходимо отслеживать в международной практике, а также поиск в политической реальности примеров действий интервенционистского характера, соответствующих этим априорным представлениям. Сторонники «бихевиористского» подхода готовы были полностью вынести за скобки идейно-ценностные и нормативные аспекты вмешательства и, следовательно, мотивацию акторов, его осуществляющих, и сосредоточиться на обретении «чистого» знания, формулировании верифицируемых гипотез и их проверке на конкретно-эмпирическом материале с применением количественных методов.

И если сам Дж. Розенау предложил крайне широкое определение вмешательства в том, что касается инструментов, используемых при его осуществлении, то многие ученые, шедшие по его стопам, предпочли ограничить предмет рассмотрения исключительно измеряемыми (*measurable*) акциями вооруженного характера. Как отмечает Р. Литтл, сторонники этого подхода классифицировали подобные действия по таким параметрам, как объект вмешательства (интегрированные или фрагментированные государства), цель (желание повлиять на политику или изменить сами властные структуры государства — объекта воздействия) и используемые инструменты [Little, 1987: 53].

«Бихевиористский поворот» дал новый импульс развитию «традиционалистского» подхода, который в годы «холодной войны» продолжали активно разрабатывать приверженцы различных парадигм в теории международных отношений, в том числе представители английской школы [Vincent, 1974; Little, 1975; *Intervention in world politics*, 1984]. Конкуренция «бихевиористского» и «традиционалистского» подходов продолжилась и после распада биполярного мирового порядка.

В числе наиболее известных ученых, склонных оперировать априорным определением интервенции, можно назвать, в частности, американского политолога П. Регана [Regan, 1998], профессора Университета Йоханнесбурга Д. Гелденуйса [Geldenhuys, 1998] и профессора Университета Квинсленда (Австралия) К. Реус-Смита [Reus-Smit, 2013]. «Традиционалистский» же подход с его акцентом на нормативно-ценностном измерении обрел новую жизнь в трудах конструктивистов. Так, один из основоположников конструктивизма немецкий ученый Ф. Кратчвил в принципе отказывался от того, чтобы формулировать определение вмешательства, пытаясь извлечь критерии его недопустимости на основе изучения эволюции института суверенитета [Kratochwil, 1995: 22]. Аналогичной позиции придерживалась и американская исследовательница, ныне профессор Университета Джорджа Вашингтона М. Финнемор: вместо того чтобы спрашивать себя, имеет ли место интервенция, она предпочитала изучать действия, которые акторы, их совершающие, называют интервенцией, и на основе этого определять данное явление [Finnemore, 2003: 10]. В текущем десятилетии тенденция к погружению международных интервенций в исторический контекст получила развитие, в частности, в материалах темати-

ческого номера журнала «Review of International Studies» 2013 г.¹⁸ Его редактором выступил профессор лондонского Университета Брунеля Дж. Макмиллан, представивший вмешательство как «социальную практику» [Macmillan, 2013].

Более того, как и многие другие концепты, понятие «вмешательство» не избежало участи быть подвергнутым деконструкции приверженцами постмодернизма. Р. Литтл еще в 1987 г. сформулировал очень точный тезис: «Для внесения содержательного вклада в дебаты касательно вмешательства специалистам в области международных отношений потребуется значительно более изощренная концепция государственности, чем та, на которую они привыкли опираться» [Little, 1987: 59]. Вопросы государственности и суверенитета в этот период получили совершенно новое осмысление в качестве дискурсивных практик как раз в трудах постструктуралистов [Ashley, 1989; Ashley, Walker, 1990].

Одним из ученых, работавших в рамках этой парадигмы и внесших наибольший вклад в изучение проблем вмешательства, была американская исследовательница С. Уэбер, ныне преподающая в Университете Сассекса в Великобритании. С. Уэбер настаивала на том, что содержательное наполнение понятия «вмешательство» эволюционирует по мере изменения норм невмешательства во внутренние дела и их переосмысления международным сообществом [Weber, 1992: 210].

Развивая эту мысль, С. Уэбер предложила осуществить разрыв с практикой определения вмешательства как нарушения государственного суверенитета и вообще отказаться от попыток предложить универсальную дефиницию суверенитета и вмешательства, которая позволяет разделить действия на интервенционистские и не интервенционистские. Вместо это она призвала согласиться с тем, что значения понятий «суверенитет» и «вмешательство» закрепляются, оспариваются, выходят из употребления и снова становятся частью политического дискурса в определенном историческом контексте [Weber, 1992: 200]. В получившей широкий резонанс книге «Симулируя суверенитет» С. Уэбер рассмотрела несколько исторических кейсов легитимации интервенций, начиная с действий Священного Союза по подавлению восстаний в Неаполе и Испании в начале XIX в. и заканчивая американскими

¹⁸ Review of International Studies. Vol. 39. Iss. 5. Intervention and the Ordering of the Modern World. December 2013.

интервенциями в Гренаду и Панаму в конце XX столетия. На этих примерах она смогла достаточно убедительно продемонстрировать одновременно и то, каким разным содержанием наполнялось понятие «суверенитет» в различные периоды, и то, какой вклад интервенции внесли в конструирование представлений о суверенитете и их последующую эволюцию [Weber, 1995].

В трудах С. Уэбер содержалась еще одна важная мысль: при анализе конкретного кейса все зависит от того, кто обладает *легитимным правом* выступать от имени народа как носителя суверенитета. Соответственно если правительство суверенного государства, где происходит внутренний конфликт, не выражает волю своего народа, то другое государство может выступить по отношению к первому в роли суверена [Weber, 1992: 216]. Тем самым С. Уэбер не только предложила оправдание гуманитарной интервенции, но и сформулировала суть доктрины «Ответственность по защите», изложенной в упомянутом ранее одноименном докладе ICISS 2001 г. и прошедшей апробацию — крайне неудачную — в Ливии в 2011 г.

В целом работы С. Уэбер способствовали, с одной стороны, распространению представлений о суверенитете и интервенции как о взаимозависимых конструируемых концептах, а с другой — закреплению тенденции к контекстуализации понятий «вмешательство»/«невмешательство», изучению нюансов их использования в конкретно-исторических условиях. Обе идеи получили развитие, например, в книге другой представительницы постструктурализма, старшего научного сотрудника Датского института международных исследований Х. Мальмвиг. В ее работе проанализированы интервенционистские действия и отказ от них в отношении соответственно Косово и Алжира в 1990-е годы. Х. Мальмвиг подчеркивала: «Представляет ли то или иное событие акт вмешательства, зависит от того, какое значение априори вкладывается в понятие “суверенитет”, что подпадает и что не подпадает под суверенную юрисдикцию государства» [Malmvig, 2006: 16]. В то же время именно в дискурсе о вмешательстве/интервенции обозначается граница внутренней юрисдикции, т.е. содержательное наполнение суверенитет обретает как раз в ходе осуществления вмешательства [Malmvig, 2006: 17]. Х. Мальмвиг настаивает на том, что суверенитет обозначает некое правильное, нормальное состояние вещей, а интервенция — аномалию, патологию, и именно поэтому она нуждается в обосновании.

Соответственно через процесс легитимации интервенций эти характеристики понятий воспроизводятся и закрепляются в дискурсе. Заслугой Х. Мальмвиг стала убедительная демонстрация на конкретных примерах того, что, во-первых, изучение суверенитета и вмешательства как социальных конструктов требует не только временной, но и пространственной контекстуализации, а во-вторых, отказ от вмешательства во внутренний конфликт (как в случае с гражданской войной в Алжире) тоже может требовать от внешних акторов обоснования.

Приведенные примеры, безусловно, не исчерпывают всего многообразия точек зрения по вопросу о необходимости и возможности разработки дефиниции вмешательства. Вместе с тем появление радикальных постструктуралистских трактовок совершенно не означало вытеснения ими «традиционалистского» и «бихевиористского» подходов из библиографии, которые продолжали развиваться параллельно и весьма успешно. Осознавая принципиальные расхождения между этими подходами, мы, тем не менее, считаем возможным выделить одну их фундаментальную общую черту: признание их сторонниками существования неких закономерностей вне дискурса. Отталкиваясь от этого, в следующем разделе мы рассмотрим работы представителей обоих подходов. Акцент будет сделан на различиях в понимании теми или иными исследователями *содержания* термина «вмешательство».

* * *

В намеченной пунктиром в первом разделе обзора эволюции употребления англоязычных терминов *intervention* и *interference* достаточно ярко проявилось столкновение двух основополагающих трактовок вмешательства — «узкой» и «широкой», приверженцы которых вели друг с другом ожесточенную полемику. В некоторых случаях она развивалась по весьма непредсказуемой траектории, а отдельные мнения и вовсе были парадоксальными.

Первую, «узкую» трактовку можно смело назвать легалистской, поскольку преимущественно ее придерживаются именно правоведы и «традиционалисты». Наиболее часто цитируемое «узкое» определение вмешательства (как синонима вооруженной интервенции) впервые было сформулировано выдающимся немецким юристом рубежа XIX–XX вв., одним из основоположников современного международного права как научной

дисциплины Л.Ф.Л. Оппенгеймом, который концептуализировал данное явление следующим образом: «насильственное [*dictatorial*] вмешательство одного государства в дела другого в целях сохранения или изменения текущего положения дел» [Oppenheim, 1905: 304–305]. Другими словами, акцент делался на принудительном характере вмешательства, осуществлении его против воли другого государства, т.е. с применением или угрозой применения силы. В рамках данной концепции все интервенции, производимые легитимно — одним государством по просьбе другого (например, в рамках исполнения союзнических обязательств), даже не могли называться интервенциями, что фиксировало расхождение между реальными событиями в мировой политике и их нормативной интерпретацией. Правоведы также всячески хотели исключить из дискурса о вмешательстве инструменты, представлявшие собой разные формы того, что американский юрист немецкого происхождения, профессор Колумбийского университета В. Фридман относил к «нормальному взаимодействию держав, занимающих различные ступени в международной иерархии»: такие меры, как отзыв дипломатов, проведение торговых переговоров или предоставление кредитов [Friedmann, 1971: 42].

Среди политологов «узкой» трактовки придерживался, в частности, один из ведущих представителей английской школы международных отношений Х. Булл, подразумевавший под интервенцией насильственное (принудительное) вмешательство внешнего актора(ов) в сферу юрисдикции суверенного государства, или, в более широком смысле, независимого политического сообщества [Intervention in world politics, 1984: 1]. Х. Булл также подчеркивал, что неотъемлемым условием проведения интервенционистской акции является асимметрия мощи между государством, осуществляющим вмешательство, и объектом подобных действий [Intervention in world politics, 1984: 1]. Приверженность трактовке, согласно которой термин «интервенция» надо использовать исключительно в отношении акций военно-силового характера, можно встретить в научных трудах как в XX столетии [Pearson, Baumann, 1988], так и в XXI [Owens, 2004; Saunders, 2009].

В данном контексте важно затронуть вопрос о *ненасильственном вмешательстве*, осуществляемом с согласия государства, которое становится его объектом. Эта политика уникальна тем,

что не подпадает под запрет на применение силы, утвержденный Уставом ООН. Согласие на силовое вмешательство внешнего актора может быть выражено в предупредительном порядке или ретроспективно, явно или завуалированно и быть обращено к отдельным государствам, региональным организациям, негосударственным акторам или многонациональным силам, учрежденным по решению Совета Безопасности ООН. Одним из ключевых вопросов для ученых и политиков в этой связи становится выяснение того, имело ли место реальное выражение согласия на интервенцию или оно стало результатом той или иной формы внешнего давления [Lieblich, 2011: 344–345]. Вместе с тем ряд исследователей, в частности К. Реус-Смит, принципиально отказываются называть силовое вмешательство, не совершаемое против воли властей, интервенцией [Reus-Smit, 2013: 1060].

Вторая, «широкая» трактовка не предполагала концентрации внимания исключительно на *насильственном* характере вмешательства — применении или угрозе применения силы, и ее становление необходимо вписать в исторический контекст. Как отмечал Дж. Розенау, уже в первые десятилетия «холодной войны» в политическом дискурсе наблюдалась тенденция расширять границы термина «вмешательство» настолько, что «оно фактически становилось синонимом империализма, агрессии, колониализма, неоколониализма, войны и других общих понятий, используемых для описания некооперативного взаимодействия государств» [Rosenau, 1969: 153].

Распространению такой интерпретации, безусловно, способствовал процесс деколонизации. Как отмечал еще в 1960-е годы другой американский политолог Д. Болдуин, тогда преподававший в Дартмутском колледже, «лидеры развивающихся стран навешивали ярлык “вмешательство” [*intervention*] на любые возможные формы оказания влияния». «С точки зрения многих развивающихся стран, крупные державы вмешивались в их дела уже самим фактом своего существования», — писал он [Baldwin, 1969: 426–427].

Понимая опасность утраты концептом «вмешательство» аналитической состоятельности в случае принятия этой точки зрения, такие ученые, как О. Янг и Дж. Розенау, как раз и предприняли свою попытку четче обозначить границы рассматриваемого понятия. Предложенные ими определения имели две общие черты: 1) в них не содержалось никакого указания на *насильственный* характер действий, что демонстрировало до-

статочно явный разрыв с легалистской традицией; 2) речь шла о вмешательстве во *внутреннюю* политику другого государства.

Дж. Розенау признавал, что вооруженные интервенции «легче поддаются операционализации и измерению, чем другие формы оказания влияния» [Rosenau, 1969: 155], поскольку всегда оставляют «следы», обращают на себя повышенное внимание и при этом строго ограничены по времени. Вместе с тем он считал необходимым рассматривать в качестве интервенционистских акций и экономические санкции, и выставление политических требований к государству — получателю помощи, и пропагандистские кампании, имеющие цель оказать прямое влияние на политическую ситуацию в той или иной стране.

Одним из наиболее известных последователей Дж. Розенау среди зарубежных конфликтологов конца XX — начала XXI в. можно считать П.М. Регана, который, будучи профессором Бингемтонского университета, сформулировал в 1998 г. следующее определение: «Интервенции — нарушающие обычный порядок вещей акты военного и/или экономического вмешательства во внутренние дела зарубежного государства, нацеленные на изменение баланса сил между правительством и оппозицией» [Regan, 1998: 756]. Несмотря на явные параллели с подходом Дж. Розенау, П.М. Реган склонен был сужать понятие «вмешательство», исключая из него меры политико-дипломатического и информационно-пропагандистского характера, но при этом идя существенно дальше приверженцев «узкой», легалистской трактовки.

Расширительной интерпретации вмешательства придерживались и многие другие исследователи, в том числе некоторые специалисты в области юриспруденции. Например, франко-канадский правовед Дж.-Дж. Кастель подчеркивал, что вмешательство содержит элемент принуждения независимо от того, осуществляется ли оно военно-силовыми методами или только в форме политического и экономического давления, поскольку главным критерием интервенционистской акции является наличие намерения со стороны осуществляющего вмешательство актора «подавить суверенную волю другого государства» [Castel, 1976: 55].

Г. Моргентау, хотя и не ставил перед собой задачу выработки дефиниции вмешательства, также без всяких колебаний относил к его разновидностям оказание внешней помощи или отказ это делать. «Если зарубежное государство предоставляет помощь, оно

осуществляет вмешательство, и если не предоставляет — тоже. В случае если выживание правительства или государства зависит от поступления помощи извне, оно неизбежно оказывается уязвимо к политическому давлению со стороны донора. Многие правительства стран-реципиентов научились минимизировать или нейтрализовывать это давление посредством получения помощи из разных источников», — писал он. [Morgenthau, 1967: 426]. В 1975 г. Р. Литтл также отметил необходимость включения как внешней помощи, так и пропаганды в круг мероприятий интервенционистского характера [Little, 1975: 2]. При этом он полагал, что если государство устанавливает и поддерживает взаимоотношения только с одной из противоборствующих сторон, вовлеченных во внутренний конфликт, то вмешательство имеет место, а если с обеими, то оно отсутствует [Little, 1975: 8–9].

Вместе с тем подход, предложенный Дж. Розенау и акцентирующий внимание на вмешательстве во *внутренние* дела, готовы были поддержать далеко не все. Так, в 1968 г. британский историк М. Белофф, преподававший тогда в Оксфордском университете, предложил определять интервенцию как «попытку одного государства изменить внутреннюю структуру и *внешнюю политику* [курсив наш. — В.Б.] других государств с помощью различных форм принуждения» [Beloff, 1968: 198]. В схожем ключе мыслил, например, В. Фридман, писавший о насильственном вмешательстве во внутренние или *внешние* дела другого государства, что ограничивает его независимость [Friedmann, 1971: 40].

Более того, некоторые исследователи стремились давать настолько широкое определение, в частности, военной интервенции, что фактически она становилась синонимом войны или применения силы в международных делах [Tillema, 1973: 3; Tillema, 1989: 181–187; Sullivan, Koch, 2009: 709]. Другими словами, в рамках такого подхода вмешательство во внутреннюю политику не отделялось фактически от вмешательства в межгосударственные конфликты.

Впрочем, следует признать, что с определенного момента такая точка зрения в научном сообществе стала считаться скорее маргинальной. Подавляющее большинство ученых отказывались включать вмешательство во внешние дела в границы предметного поля из опасений приравнять любые внешнеполитические действия к интервенционистским акциям и сделать аналитическую категорию «вмешательство» попросту бесполезной [Intervention in world politics, 1984: 7–8; Little, 1987: 49]. Показательно, что

профессор Гарвардского университета С. Хоффман, например, даже определял интервенцию «от противного» — как «действие, которое имеет целью влиять *не на внешнюю* [курсив наш. — В.Б.], а на внутреннюю политику государства» [Intervention in world politics, 1984: 9].

На этом фоне обращает на себя внимание весьма развернутое определение вмешательства, предложенное Д. Гелденуйсом: «Вмешательство — это целенаправленное действие государства, группы государств, международной организации или другого международного актора по оказанию влияния на политическую систему другого государства (включая структуру управления, внутреннюю политику и политических лидеров) против его воли с использованием тех или иных средств принуждения (силовых или несиловых) для достижения специфических политических целей» [Geldenhuis, 1998: 6].

Данное определение представляется весьма удобным с точки зрения его инструментализации. Во-первых, акцент в нем сделан исключительно на вмешательстве во внутренние дела. Во-вторых, вмешательство не ограничивается теми или иными специфическими инструментами (методами), что выводит задачу их типологизации за рамки поиска оптимальной дефиниции. Наконец, в-третьих, оно не содержит никаких критериев, сложно поддающихся операционализации, таких как, например, «разрыв с привычным порядком вещей» (*convention-breaking character*) в трактовке Дж. Розенау. Не имеющей простого решения проблемы определения момента, когда внешнее вмешательство перестает восприниматься как нечто чрезвычайное и становится обыденным, в данном случае попросту не возникает.

В то же время нельзя не отметить государствоцентричность данного определения, которую попытался преодолеть в своих научных изысканиях К. Реус-Смит. Осуществляя разрыв с парадигмой о вмешательстве как производной от суверенитета над определенной территорией, он предложил рассматривать его как «нарушение границ юрисдикции властных структур другими властными структурами, образующими международный порядок, которое совершается в одностороннем порядке или коллективно» [Reus-Smit, 2013: 1058]. При этом ученый полагает, что интервенции всегда носят трансформационный характер и представляют собой случаи «нарушения границ юрисдикции для оказания влияния на идентичность, институты или политику», поэтому такие действия обязательно требуют

нормативного обоснования [Reus-Smit, 2013: 1058]. С точки зрения К. Реус-Смита, его трактовка может быть одинаково применима к интервенционистским идеям и акциям, характерным для различных международных порядков, в том числе довестфальской эпохи, когда ни субъекты, осуществлявшие вмешательство, ни объекты воздействия не были полностью суверенными территориальными единицами, а их власть носила не территориальный, а функциональный характер [Reus-Smit, 2013: 1066]. Такой подход в свою очередь призван облегчить анализ представлений мыслителей разных исторических эпох о вмешательстве и, с нашей точки зрения, обладает достаточно большим потенциалом для применения в международно-политической науке.

* * *

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы.

1. В плане концептуализации проблемы вмешательства зарубежная политология с середины XX в. прошла извилистый путь, в котором имели место и принятие вмешательства как данности, и демонстрация убежденности в необходимости разработки его универсального определения, и научно обоснованный отказ заниматься поисками такой дефиниции. При этом следует еще раз подчеркнуть, что речь шла не о последовательно сменявших друг друга стадиях, а о параллельно развивавшихся точках зрения, у которых фактически в любой момент времени было достаточное число весьма авторитетных сторонников.

2. Скепсис критиков идеи получения «чистого» знания о феномене вмешательства, большинство из которых являются приверженцами конструктивистской парадигмы либо постструктуралистами, вполне объясним. В то же время невозможно отрицать и то, что важнейшая задача классификации типов вмешательства требует формулирования хотя бы рабочего определения этого понятия. Предложенная М. Финнемор идея индуктивного выведения дефиниции на основе анализа действий, которые совершающие их акторы называют интервенцией, несомненно, близка к представлениям приверженцев гроцианской и кантианской традиций в теории международных отношений о существовании универсальных прав и норм. Однако указанной идеей объективно было бы очень сложно руководствоваться как при анализе практик вмешательства эпохи «холодной войны» с ее

бесчисленными интервенциями и контринтервенциями, так и сегодня, в конце второго десятилетия XXI в.

В условиях обострения межгосударственного противоборства и возрождения идеологического соперничества, одним из элементов которого как раз и выступает усиление различий в представлениях о границах государственного суверенитета и допустимости их нарушения, исследователь, полагающийся на дискурс субъектов, совершающих интервенционистские действия, попросту рискует стать заложником логики «игры с нулевой суммой» и политики «двойных стандартов». Выдающийся британский историк Э. Карр еще в 1939 г. блестяще сформулировал суть этой проблемы, отметив, что «доминирующие державы рассматривают суверенитет других государств как препятствие, мешающее им наслаждаться своим преобладающим положением» [Carr, 1939: 18]. Этот тезис сохраняет актуальность по сей день и вполне может быть применен к дискурсу о расширении границ допустимости вмешательства во внутренние дела под гуманитарными предлогами после «ливийского кейса», вызывающего все большее отторжение у незападных держав — России, Китая, Ирана, Турции и др.

Формулирование рабочего определения, как представляется, дает возможность вырваться из ловушки «взаимно гарантированной обструкции» и конфликта восприятий. Это, впрочем, не отменяет необходимости активизировать усилия по изучению специфики дискурса о вмешательстве/интервенциях посредством обращения к конкретным интернационализированным внутренним конфликтам и кризисам, имевшим место в разные исторические периоды в различных регионах мира.

3. Конкуренция «узкой» и «широкой» трактовок вмешательства служила еще одной движущей силой развития концептуально-теоретических представлений об этом явлении. И по сей день среди ученых можно встретить приверженцев как одного, так и другого подхода, способных найти массу аргументов в обоснование своего выбора.

По нашему глубокому убеждению, использование «узкой», легалистской трактовки вмешательства, акцентирующей внимание на случаях применения военной силы, несомненно, облегчает задачу исследователя, однако в некотором смысле ведет к искажению действительности. Интернационализированные внутренние конфликты подразумевают возможность применения внешними акторами широчайшего спектра экономических, политико-ди-

пломатических и информационно-пропагандистских инструментов воздействия на внутренние дела. Различного рода санкции (как прямые, так и косвенные — экстерриториальные), помощь оппозиции (военная, финансовая и политическая — через использование разных видов признания) или информационное давление могут в ряде случаев оказывать настолько же значительное влияние на логику и динамику того или иного внутреннего противоборства, как и применение силы, тем более в ограниченном масштабе. Сознательное исключение этих инструментов из сферы рассмотрения будет искусственным. И хотя ни в одном юридически обязывающем документе эти формы по-прежнему не кодифицированы как меры интервенционистского характера, сложно отрицать, что почти всеми субъектами международных отношений они воспринимаются в качестве таковых, если речь идет о конфликтах, затрагивающих их непосредственные интересы. Споры о том, применение каких невоенных инструментов и в каких случаях является вмешательством во внутренние дела и нарушением суверенитета, как раз и составляют суть многих дипломатических баталий, которые разворачиваются сегодня, и их игнорирование граничит с опасным редукционизмом.

4. Рабочее определение должно обозначать вмешательство исключительно во внутренние дела и не ставить вопроса о его восприятии в качестве чрезвычайного или обыденного. В этом плане и более детализированная трактовка Д. Гельденуйса, в которой явственно проглядывает стремление четко обозначить позицию по каждому спорному аспекту, и дефиниция, предложенная К. Реус-Смитом, вполне могут быть взяты на вооружение. Вместе с тем определение К. Реус-Смита дает некоторые преимущества благодаря применимости к различным историческим эпохам и акценту на оказании внешнего воздействия на идентичность, примеров которого в информационную эпоху становится все больше.

5. Принятие на вооружение какого-то уже сформулированного определения или разработка собственной дефиниции само по себе не является панацеей. В сущности, это лишь первый шаг на пути к классификации видов вмешательства, которая, по справедливому выражению еще одного представителя английской школы международных отношений Дж. Винсента, может быть произведена лишь в том случае, если «“геном” интервенции уже определен и необходима лишь выявление различных его модификаций» [Vincent, 1974: 10].

В построении данной классификации, как представляется, имеет смысл отталкиваться как раз от изучения конкретно-эмпирического материала, а не от априорно заданных параметров. В этом плане большую пользу может принести обращение к истории многочисленных интернационализированных внутренних конфликтов «холодной войны», которые имели место во всех без исключения регионах мира. Построение максимально развернутой типологии инструментов вмешательства — задача, заслуживающая того, чтобы стать предметом отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бордачев Т.В. Миротворческая и гуманитарная интервенция и ее место в поддержании глобальной и региональной безопасности: современные теории и практический опыт: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 1998.
2. Голубев Д.С. К проблеме концептуализации феномена интернационализованного внутригосударственного конфликта: о недостаточности изучения роли внешних государственных акторов // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 12. Доступ: <https://doi.org/10.24158/rep.2018.12.1> (дата обращения: 01.03.2019).
3. Дидманидзе У.Т. Наука международного права об ограничении и запрещении применения вооруженной силы в международных отношениях: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
4. Камаровский Л.А. Начало невмешательства: вопрос об интервенциях в литературе / 2-е изд., воспр. по изд.: М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1874. М.: URSS, 2016.
5. Никитин А.И. Международное вмешательство в современные конфликты: миротворческая политика ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО и ОДКБ: Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2017.
6. Худайкулова А.В. Теория и практика «гуманитарного вмешательства» в современной миротворческой деятельности: на примере Югославии: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2003.
7. Ashley R.K. Living on border lines: Man, poststructuralism, and war // International/intertextual relations: Postmodern readings of world politics / Ed. by J. Der Derian, M.J. Shapiro. New York: Lexington Books, 1989. P. 259–321.
8. Ashley R.K., Walker R.B.J. Conclusion: Reading dissidence/writing the discipline: Crisis and the question of sovereignty in international studies // International Studies Quarterly. 1990. Vol. 34. No. 3. P. 367–416.
9. Baldwin D. Foreign aid, intervention, and influence // World Politics. 1969. Vol. 21. No. 3. P. 425–447.
10. Beloff M. Reflections on intervention // Journal of International Affairs. 1968. Vol. 22. No. 2. P. 198–207.
11. Carr E. The twenty years' crisis, 1919–1939. An introduction to the study of international relations. London: Macmillan and Co., 1939.
12. Castel J.-G. International law chiefly as applied and interpreted in Canada. 3rd ed. Toronto: Butterworths, 1976.

13. Dunér B. *Military intervention in civil wars: The 1970s*. Aldershot: Gower, 1985.
14. Evans G., Newnham R. *The dictionary of world politics: A reference guide to concepts, ideas, and institutions*. New York: Harvester Wheatsheaf, 1992.
15. Finnemore M. *The purpose of intervention: Changing beliefs about the use of force*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.
16. Friedmann W. *Intervention and international law // Intervention in international politics / Ed. by L.G.M. Jaquet*. The Hague: Netherlands Institute of International Affairs and Martinus Nijhoff, 1971. P. 40–68.
17. Geldenhuys D. *Foreign political engagement*. London: Palgrave Macmillan UK, 1998.
18. Graber D.A. *Crisis diplomacy: A history of U.S. intervention politics and practices*. Washington, D.C.: Public Affairs Press, 1959.
19. *Intervention in world politics / Ed. by H. Bull*. Oxford: Clarendon, 1984.
20. Jones G.J. *The United Nations and the domestic jurisdiction of states: Interpretations and applications of the non-intervention principle*. Cardiff: University of Wales Press, 1979.
21. Kratochwil F. *Sovereignty as dominium: Is there a right of humanitarian intervention? // State sovereignty and international intervention / Ed. by G. Lyons, M. Mastanduno*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. P. 21–42.
22. *Law on the use of force and armed conflict / Ed. by R. Cryer, Ch. Henderson*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017.
23. Lieblich E. *Intervention and consent: Consensual forcible interventions in internal armed conflicts as international agreements // Boston University International Law Journal*. 2011. Vol. 29. P. 337–382.
24. Little R. *Intervention: External involvement in civil wars*. London: M. Robertson, 1975.
25. Little R. *Revisiting intervention: A survey of recent developments // Review of International Studies*. 1987. Vol. 13. P. 49–60.
26. Macmillan J. *Intervention and the ordering of the modern world // Review of International Studies*. 2013. Vol. 39. No. 5. P. 1039–1056.
27. Malmvig H. *State sovereignty and intervention: A discourse analysis of interventionary and non-interventionary practices in Kosovo and Algeria*. London: Routledge, 2006.
28. Morgenthau H.J. *To intervene or not to intervene // Foreign Affairs*. 1967. Vol. 45. No. 3. P. 425–436.
29. Nowak C. *The changing law of non-intervention in civil wars — assessing the production of legality in state practice after 2011 // Journal on the Use of Force and International Law*. 2018. Vol. 5. No.1. P. 40–77.
30. Oppenheim L.F.L. *International law: A treatise*. Vol. 1: Peace. New York; Bombay: Longmans, Green, and Co., 1905.
31. Owens P. *Theorizing military intervention // International Affairs*. 2004. Vol. 80. No. 2. P. 355–365.
32. *The Oxford handbook of the use of force in international law, 2017 / Ed. by M. Weller*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
33. Pearson F.S. *Geographic proximity and foreign military intervention // The Journal of Conflict Resolution*. 1974. Vol. 18. No. 3. P. 432–460.
34. Pearson F.S., Baumann R.A. *International military interventions: Identification and classification // International Interactions*. 1988. Vol. 14. No. 2. P. 173–180.

35. Regan P.M. Choosing to intervene: Outside interventions in internal conflicts // *Journal of Politics*. 1998. Vol. 60. No. 3. P. 754–779.
36. Rethinking humanitarian intervention in the 21st century / Ed. by A. Warren, D. Grenfell. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018.
37. Reus-Smit C. The concept of intervention // *Review of International Studies*. 2013. Vol. 39. No. 5. P. 1057–1076.
38. Rosenau J.N. The concept of intervention // *Journal of International Affairs*. 1968. Vol. 22. No. 2. P. 165–176.
39. Rosenau J. Intervention as a scientific concept // *Journal of Conflict Resolution*. 1969. Vol. 13. P. 149–171.
40. Saunders E.N. Transformative choices: Leaders and the origins of intervention strategy // *International Security*. 2009. Vol. 4. No. 2. P. 119–161.
41. Sullivan P.L., Koch M.T. Military intervention by powerful states, 1945–2003 // *Journal of Peace Research*. 2009. Vol. 46. No. 5. P. 707–718.
42. Talentino A.K. *Military intervention after the Cold war: The evolution of theory and practice*. Athens: Ohio University Press, 2005.
43. Tillema H.K. *Appeal to force: American military intervention in the era of containment*. New York: T.Y. Crowell, 1973.
44. Tillema H.K. Foreign overt military intervention in the nuclear age // *Journal of Peace Research*. 1989. Vol. 26. No. 2. P. 179–196.
45. Tillema H.K., van Wingen J.R. Law and power in military intervention: Major states after World War II // *International Studies Quarterly*. 1982. Vol. 26. No. 2. P. 220–250.
46. *The use of force in international law: A case-based approach* / Ed. by T. Ruys, O. Corten. New York: Oxford University Press, 2018.
47. Vincent R.J. *Non-intervention and international order*. Princeton: Princeton University Press, 1974.
48. Weber C. Reconsidering statehood: Examining the sovereignty/intervention boundary // *Review of International Studies*. 1992. Vol. 18. P. 199–216.
49. Weber C. *Simulating sovereignty: Intervention, the state, and symbolic exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
50. Young O.R. Intervention and international systems // *Journal of International Affairs*. 1968. Vol. 22. No. 2. P. 177–187.

V.I. Bartenev

INTERVENTION IN THE DOMESTIC AFFAIRS: QUESTIONING DEFINITIONS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The last decades have seen a proliferation of internationalized internal disputes and a steady growth in scholarly interest in interference in the domestic affairs of sovereign states. This bibliographic review summarizes the approaches of those scholars (predominantly from the Anglo-Saxon countries) — who focused on conceptual dimensions of the intervention

problematique. The review consists of three sections. The first section examines the semantic nuances of the key terms in Russian and English languages describing interventionist behaviour and the particularities of their usage in international legal documents. The second and third sections reveal the essence of two ‘great debates’ in the literature on intervention. The first debate centers on desirability and possibility of working out a definition of intervention. The second debate focuses on delimiting semantic boundaries of the ‘intervention’ concept. The first debate is presented as a polemic between scholars who take intervention for granted, the proponents of treating it as a scientific concept and those who refuse to search for a common definition as such. The conclusion contains a critique of argumentation of those scholars — predominantly constructivists and post-structuralists — who question the possibility of obtaining a purely scientific knowledge about intervention and call for studying discourse instead, including the discourse of actors conducting interventionist actions. The author of the review justifies the need to formulate the working definition of intervention which would allow to get out of a trap conflicting perceptions in the times of an increasing interstate confrontation, revival of an ideological competition and widening divergences in conceptualisation of sovereignty, its boundaries and conditions of their violation. He also advocates for the utilization of the broadest interpretation of intervention which, on the one hand, would include both military and non-military tools (such as foreign aid, sanctions, information influence etc.), and, on the other hand, would be applicable to studying interventionist practices of different historical epochs, including the pre-Westphalian era. The review concludes with a reminder that the use of any extant definition or a development of a new one is only the first step towards a typology of interventionist actions which should be based on the study of empirical data and not on the a priori chosen parameters.

Keywords: intervention in the domestic affairs, interference, non-interference, sovereignty, internationalized domestic conflict, behaviourism, English School of international relations, constructivism, post-structuralism, discourse, foreign aid, sanctions.

About the author: *Vladimir I. Bartenev* — PhD (History), Associate Professor at the Chair for International Organizations and World Political Processes, Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

Acknowledgements: This paper represents a revised version of the literature review conducted within the research project which was implemented under the aegis of the Center for Security and Development Studies at the

School of World Politics, Lomonosov Moscow State University in 2015–2017 with the financial support of the Russian Foundation for Humanities and the Russian Foundation for Basic Research (project № 15-01-00363).

REFERENCES

1. Bordachev T.V. 1998. *Mirotvorcheskaya i gumanitarnaya interventsiiya i ee mesto v podderzhanii global'noi i regional'noi bezopasnosti: sovremennye teorii i prakticheskii opyt* [Peacekeeping and humanitarian intervention and its role in maintaining global and regional security: Contemporary theories and practice]. PhD Thesis. Saint-Petersburg. (In Russ.)
2. Golubev D.S. 2018. K probleme kontseptualizatsii fenomena internatsionalizirovannogo vnutrigosudarstvennogo konflikta: o nedostatochnosti izucheniya roli vneshnikh gosudarstvennykh aktorov [Conceptualization of internationalized intrastate conflict: Moving beyond the role of external state-based actors]. *Society: Politics, economics, law*, vol. 12. Available at: <https://doi.org/10.24158/pep.2018.12.1> (accessed: 01.03.2019). (In Russ.)
3. Didmanidze U.T. 2017. *Nauka mezhdunarodnogo prava ob ogranichenii i zapreshchenii primeneniya vooruzhennoi sily v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Science of international law on restrictions and prohibitions on the use of force in international relations]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
4. Kamarovskii L.A. 2016. *Nachalo nevmeshatel'stva* [The origins of non-intervention]. 2nd ed., cop. 1874. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)
5. Nikitin A.I. 2017. *Mezhdunarodnoe vmeshatel'stvo v sovremennye konflikty: mirotvorcheskaya politika OON, OBSE, ES, NATO i ODKB* [International intervention in conflicts. UN, OSCE, EU, NATO, CSTO peacekeeping policies]. Moscow, Valdai Discussion Club Publ. (In Russ.)
6. Khudaikulova A.V. 2003. *Teoriya i praktika 'gumanitarnogo vmeshatel'stva' v sovremennoi mirotvorcheskoi deyatel'nosti: na primere Yugoslavii* [Theory and practice of 'humanitarian intervention' in contemporary peacekeeping: Case of Yugoslavia]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
7. Ashley R.K. 1989. Living on border lines: Man, poststructuralism, and war. In Der Derian J., Shapiro M.J. (eds.). *International/intertextual relations: Postmodern readings of world politics*. New York, Lexington Books, pp. 259–321.
8. Ashley R.K., Walker R.B.J. 1990. Conclusion: Reading dissidence/writing the discipline: Crisis and the question of sovereignty in international studies. *International Studies Quarterly*, vol. 34, no. 3, pp. 367–416.
9. Baldwin D. 1969. Foreign aid, intervention, and influence. *World Politics*, vol. 21, no. 3, pp. 425–447.
10. Beloff M. 1968. Reflections on intervention. *Journal of International Affairs*, vol. 22, no. 2, pp. 198–207.
11. Carr E. 1939. *The twenty years' crisis, 1919–1939. An introduction to the study of international relations*. London, Macmillan and Co.
12. Castel J.-G. 1976. *International law chiefly as applied and interpreted in Canada*. 3rd ed. Toronto, Butterworths.
13. Dunér B. 1985. *Military intervention in civil wars: The 1970s*. Aldershot, Gower.
14. Evans G., Newnham R. 1992. *The dictionary of world politics: A reference guide to concepts, ideas, and institutions*. New York, Harvester Wheatsheaf.

15. Finnemore M. 2003. *The purpose of intervention: Changing beliefs about the use of force*. Ithaca, NY, Cornell University Press.
16. Friedmann W. 1971. Intervention and international law. In Jaquet L.G.M. (ed.). *Intervention in international politics*. The Hague, Netherlands Institute of International Affairs and Martinus Nijhoff, pp. 40–68.
17. Geldenhuys D. 1998. *Foreign political engagement*. London, Palgrave Macmillan UK.
18. Graber D.A. 1959. *Crisis diplomacy: A history of U.S. intervention politics and practices*. Washington, D.C., Public Affairs Press.
19. Bull H. (ed.). 1984. *Intervention in world politics*. Oxford, Clarendon.
20. Jones G.J. 1979. *The United Nations and the domestic jurisdiction of states: Interpretations and applications of the non-intervention principle*. Cardiff, University of Wales Press.
21. Kratochwil F. 1995. Sovereignty as dominium: Is there a right of humanitarian intervention? In Lyons G., Mastanduno M. (eds.). *State sovereignty and international intervention*. Baltimore, Johns Hopkins University Press. P. 21–42.
22. Cryer R., Henderson Ch. (eds.). 2017. *Law on the use of force and armed conflict*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing.
23. Liebllich E. 2011. Intervention and consent: Consensual forcible interventions in internal armed conflicts as international agreements. *Boston University International Law Journal*, vol. 29, pp. 337–382.
24. Little R. 1975. *Intervention: External involvement in civil wars*. London, M. Robertson.
25. Little R. 1987. Revisiting intervention: A survey of recent developments. *Review of International Studies*, vol. 13, pp. 49–60.
26. Macmillan J. 2013. Intervention and the ordering of the modern world. *Review of International Studies*, vol. 39, no. 5, pp. 1039–1056.
27. Malmvig H. 2006. *State sovereignty and intervention: A discourse analysis of interventionary and non-interventionary practices in Kosovo and Algeria*. London, Routledge.
28. Morgenthau H.J. 1967. To intervene or not to intervene. *Foreign Affairs*, vol. 45, no. 3, pp. 425–436.
29. Nowak C. 2018. The changing law of non-intervention in civil wars — assessing the production of legality in state practice after 2011. *Journal on the Use of Force and International Law*, vol. 5, no. 1, pp. 40–77.
30. Oppenheim L.F.L. 1905. *International law: A treatise. Vol. 1: Peace*. New York, Bombay, Longmans, Green, and Co.
31. Owens P. 2004. Theorizing military intervention. *International Affairs*, vol. 80, no. 2, pp. 355–365.
32. Weller M. (ed.). 2017. *The Oxford handbook of the use of force in international law, 2017*. Oxford, Oxford University Press.
33. Pearson F.S. 1974. Geographic Proximity and Foreign Military Intervention. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 18, no. 3, pp. 432–460.
34. Pearson F.S., Baumann R.A. 1988. International military interventions: Identification and classification. *International Interactions*, vol. 14, no. 2, pp. 173–180.
35. Regan P.M. 1998. Choosing to intervene: Outside interventions in internal conflicts. *Journal of Politics*, vol. 60, no. 3, pp. 754–779.

36. Warren A., Grenfell D. (eds.). 2018. *Rethinking humanitarian intervention in the 21st century*. Edinburgh, Edinburgh University Press.
37. Reus-Smit C. 2013. The concept of intervention. *Review of International Studies*, vol. 39, no. 5, pp. 1057–1076.
38. Rosenau J.N. 1968. The concept of intervention. *Journal of International Affairs*, vol. 22, no. 2, pp. 165–176.
39. Rosenau J. 1969. Intervention as a scientific concept. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 13, pp.149–171.
40. Saunders E.N. 2009. Transformative choices: Leaders and the origins of intervention strategy. *International Security*, vol. 4, no. 2, pp. 119–161.
41. Sullivan P.L., Koch M.T. 2009. Military intervention by powerful states, 1945–2003. *Journal of Peace Research*, vol. 46, no. 5, pp. 707–718.
42. Talentino A.K. 2005. *Military intervention after the Cold war: The evolution of theory and practice*. Athens, Ohio University Press.
43. Tillema H.K. 1973. *Appeal to force: American military intervention in the era of containment*. New York, T.Y. Crowell.
44. Tillema H.K. 1989. Foreign overt military intervention in the nuclear age. *Journal of Peace Research*, vol. 26, no. 2, pp. 179–196.
45. Tillema H.K., van Wingen J.R. 1982. Law and power in military intervention: Major states after World War II. *International Studies Quarterly*, vol. 26, no. 2, pp. 220–250.
46. Ruys T., Corten O. (eds.). 2018. *The use of force in international law: A case-based approach*. New York, Oxford University Press.
47. Vincent R.J. 1974. *Non-intervention and international order*. Princeton, Princeton University Press.
48. Weber C. 1992. Reconsidering statehood: Examining the sovereignty/intervention boundary. *Review of International Studies*, vol. 18, pp. 199–216.
49. Weber C. 1995. *Simulating sovereignty: Intervention, the state, and symbolic exchange*. Cambridge, Cambridge University Press.
50. Young O.R. 1968. Intervention and international systems. *Journal of International Affairs*, vol. 22, no. 2, pp. 177–187.